

Динамика проницаемости своего и чужого слова в тексте и интертексте

Н. В. Максимова, А. И. Максимова

The dynamics of the permeability of one's own and another's word in text and intertext

N. V. Maksimova, A. I. Maksimova

Наталья Викторовна Максимова – доктор филологических наук, доцент; Новосибирский государственный театральный институт, Новосибирск, Российская Федерация

E-mail: maksimova1@mail.ru

Анна Ильинична Максимова – студентка; Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Российская Федерация

E-mail: amaksimova534@gmail.com

Статья поступила: 16.11.2022. Принята к печати: 20.12.2022.

Natalia V. Maksimova – Doctor of Sciences in Philology, Associate Professor; Novosibirsk State Theater Institute, Novosibirsk, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-6312-7824

Anna I. Maksimova – student; Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-6289-5987

Received: 16/11/2022. Accepted for publication: 20/12/2022.

В статье рассматривается явление проницаемости и обособленности речевых автономий текста и интертекста, выявляются универсальные стороны интерференции чужого и своего слова в художественном тексте. На примере произведений XX и XXI веков исследуется, как связана концепция произведения и языковые способы представления проницаемости своего и чужого слова. Сопоставляются закономерности функционирования языка в текстах М. Булгакова, Л. Петрушевской, Е. Водолазкина. Центральным становится вопрос о том, чем обуславливается динамика проницаемости своей и чужой речи в текстах этих авторов и какие средства лингвистического анализа обеспечивают основания для истолкования данного явления. В художественном произведении интерпретация тенденции к проницаемости своего и чужого слова описывается с опорой на типы интерпретативных значений (прагматический, референциальный и рецептивный). В статье показано, как эти общие типы значений конкретизируются в специфических условиях контекста, литературного направления, авторской поэтики. Исследуется, как внутритекстовые реалии и интертекст участвуют в едином процессе обмена словом и подчинения способов проницаемости своей и чужой речи художественным задачам. При исследовании внутритекстовых процессов интерференции сравниваются произведения Е. Водолазкина и Л. Петрушевской, выявляется концептуальная полярность способов организации речевых автономий в их текстах. Особое внимание уделяется динамике проницаемости своего и чужого слова в интертексте: рассмотрены процессы взаимной проницаемости текстовых номинаций Гоголя и Булгакова, предложены пути представления разновидностей интертекстовых комментариев, в которых нуждается

The article deals with the phenomenon of permeability and isolation of the speech autonomies of text and intertext, reveals the universal sides of the interference of someone else's and one's own word in a literary text. On the example of the works of the 20th and 21st centuries, it is investigated how the concept of the work and the linguistic ways of presenting the permeability of one's own and another's word are connected. The patterns of language functioning in the texts of M. Bulgakov, L. Petrushevskaya, E. Vodolazkin are compared. The central question is what determines the dynamics of the permeability of one's own and other people's speech in the texts of these authors and what means of linguistic analysis provide the basis for interpreting this phenomenon. In a work of fiction, the interpretation of the tendency towards the permeability of one's own and another's word is described based on the types of interpretive meanings (pragmatic, referential and receptive). The article shows how these general types of meanings are concretized in specific conditions of the context, literary movement, author's poetics. It is investigated how intratextual realities and intertext participate in a single process of exchanging words and subordinating the ways of permeability of one's own and other people's speech to artistic tasks. In the study of intratextual processes of interference, the works of E. Vodolazkin and L. Petrushevskaya are compared, and the conceptual polarity of the ways of organizing speech autonomies in their texts is revealed. Particular attention is paid to the dynamics of the permeability of one's own and another's word in the intertext: the processes of mutual permeability of Gogol's and Bulgakov's text nominations are considered, and the ways of presenting the varieties of intertext comments that Bulgakov's text needs to be understood by the modern reader are proposed.

булгаковский текст, чтобы быть понятым современным читателем.

Ключевые слова: художественный текст, интертекст, проницаемость, динамика, чужая речь

УДК 82-3

Keywords: intertext, permeability, dynamics, another's speech

OECD: 6.02PA

V

Постановка проблемы. Взаимодействие своего и чужого слова в художественном тексте может подвергаться интерпретации с разных точек зрения: грамматической [Чумаков, 1975], стилистической [Соколова, 1968; Ильенко, 2003, с. 386-388], интертекстуальной [Семёнова, 2002], прагматической [Труфанова, 2000], герменевтической [Кожевникова, 1994] и др.

Однако различные аспекты лингвистической интерпретации объединяет вопрос: чем обуславливается динамика проницаемости своей и чужой речи? Узнаваемый факт повседневного общения, изображаемый и в литературных текстах: в одних ситуациях мы можем вольно или невольно переходить на язык собеседника, используя его слова, обороты, а в других этого не происходит. Иногда мы специальным образом оговариваем: *как ты это называешь, как ты сказал*, закавычиваем чужое слово, в устной речи подчёркиваем: «цитирую», «конец цитаты» (не говоря уже об интонационных средствах выделения границ чужого слова), а в других случаях оставляем такой переход на чужую речь без внимания и специального маркирования. Почему в одних случаях мы ведём себя так, а в других иначе? Что значит, что свое и чужое то почти сливаются до неразличения (где же чей голос?), то их границы маркируются отчётливо? От чего зависит динамика изображения обособленности или проницаемости речевых автономий? К постановке проблемы относится и вопрос о способах «обмена словом» в тексте и интертексте. Насколько едины (различны, изоморфны) внутритекстовые (взаимодействие речевых автономий автора и героя, разных персонажей) и интертекстовые процессы, как они взаимосвязаны?

Представляется, что задача исследователя (и читателя) состоит не в рассмотрении и сопоставлении отдельных конструкций и стилистических явлений, а в улавливании динамики форм чужой речи, в выявлении тенденций, при которых чужое и своё слово то обособляются друг от друга, то проницают друг друга. Интерпретационный потенциал явления чужой речи создаётся не отдельными конструкциями и их значением, а самой динамикой форм, заключённой в тенденциях обособленности / проницаемости и их контекстной реализации. Под проницаемостью понимается маркированная и немаркированная интерференция чужой и своей речи. Обособленность – противоположное явление: стремление к сохранению границ своей и чужой речи, к недопущению их наложения. Проницаемой может быть даже конструкция с прямой речью, а обособленным друг от друга может быть чужое и своё слово в косвенной и тематической речи при использовании в них кавычек как знака частичной или полной цитации. С иллюзией дословности вводимого конструкции с прямой речью можно расстаться уже после пушкинских строк в 7 главе (строфа б): Пришельцу надпись говорит: «Владимир Ленский здесь лежит, Погибший рано

смертью смелых, В такой-то год, таких-то лет. Покойся, юноша поэт!». Вопрос в том, что значит сама смена этих форм, как её можно объяснять и на каких основаниях.

История вопроса. Динамическое представление о тенденциях функционирования чужого слова можно обнаружить в связи с понятиями *линейного* и *живописного* стилей В. Н. Волошинова (М. М. Бахтина).

О линейном стиле он пишет: одна из доминирующих тенденций реагирования на чужую речь может «блюсти её целостность и автентичность». Язык может стремиться создавать отчётливые и устойчивые грани чужой речи. В этом случае «шаблоны и модификации служат более строгому и чёткому выделению чужой речи, ограждению её от проникновения авторских интонаций» [Волошинов, 1993, с. 128-135]. В его концепции прямо говорится о «динамике взаимоотношений авторской и чужой речи». Линейный и живописный стили выделены как два главных направления этой динамики [Там же, с. 128–145]. О живописном стиле автор пишет как о вырабатывающем способы «более тонкого и гибкого внедрения авторского реплицирования и комментирования в чужую речь». Специальным образом подчёркивается, что авторский контекст стремится «к разложению компактности и замкнутости чужой речи, к её рассасыванию, к стиранию её границ» [Там же, 1993, с. 135-145].

Напомним, что линейный и живописный стили передачи чужой речи автором соотнесены с литературными эпохами, а также с эпохами социального устройства. «Резюмируя всё сказанное нами о возможных тенденциях динамического взаимоотношения чужой и авторской речи, мы можем отметить следующие эпохи: *авторитарный догматизм*, характеризующийся линейным и безличным монументальным стилем передачи ЧР (средневековье); *рационалистический догматизм* с его ещё более отчётливым линейным стилем (XVII и XVIII век); *реалистический и критический индивидуализм* с его живописным стилем и тенденцией проникновения авторского реплицирования и комментирования в ЧР (конец XVIII и XIX век) и, наконец, *релятивистический индивидуализм* с его разложением авторского контекста (современность)» [Там же, с. 133–134].

С учётом этой идеи нами был сформулирован принцип обособленности / проницаемости своего и чужого слова, функциональная интерпретация этого принципа создаёт основу для изучения динамики их взаимодействия. При этом имеется в виду **взаимо**проницаемость. Это отличается от представлений, которые исходят из приоритета вводимого компонента. Отсчёт от вводимого компонента доминирует, например, в установке на «объём и степень сохранности / искажённости чужой речи» [Арутюнова, 1999, с. 669].

Динамические векторы обособленности / проницаемости описывались нами через основные значения, которые обладают такими признаками, как регулярность, обобщённость, воспроизводимость, стандартизованность. Наиболее общие значения, названные интерпретативными, представляют собою три интерпретанты: прагматическую, референциальную и рецептивную [Максимова, 2005, с. 43-54]. Основа *прагматической интерпретанты*: чем более близки в содержательном отношении позиции субъектов друг другу, тем выше проницаемость их речевых автономий. И наоборот: далёкость коммуникативных позиций субъектов (их

несогласие друг с другом, стремление к размежеванию и т.п.) связана с нарастанием обособленности и усилением маркирования границ речевых автономий.

Референциальная интерпретанта. Вводимая чужая речь может ориентироваться на предметную референцию или же напротив – на манеру, форму, стилистику вводимой речи, на особенности чужого словоупотребления, границ чужого и своего слова. Этим различаются предметно-смысловая референция и референция к форме высказывания: смысловая доминанта провоцирует ослабление маркеров чужой речи, а формальная – наоборот, их усиление.

Рецептивная интерпретанта связана с характером адресации. Здесь речь идёт о моделировании адресата с помощью выбора способов функционирования чужой речи. Так, если адресат мыслится конкретно-персонифицированным (как в межличностной коммуникации), то маркирование границ чужого и своего ослабляется, проницаемость усиливается. Если же адресат мыслится как обобщённо-абстрактный (как, например, в СМИ или в научном дискурсе), то усиливается маркирование границ чужой речи. Известен и феномен двойной адресации.

При анализе текстовых фрагментов регулярно наблюдается взаимодействие интерпретативных значений. Дальнейшая их конкретизация связана с типами текста, авторства, стилей, жанров.

Методология и методика исследования: назовём несколько важных ориентиров изучения динамики проницаемости своего и чужого слова.

Первый из них связан с положением В. Н. Волошинова (М. М. Бахтина) об отношениях стилистики и грамматики: «С нашей точки зрения проведение строгой границы между грамматикой и стилистикой, между грамматическим шаблоном и стилистической модификацией его – методологически нецелесообразно, да и невозможно. Эта граница зыбка в самой жизни языка, где одни формы находятся в процессе грамматикализации, другие – деграмматикализации, и именно эти двусмысленные, пограничные формы и представляют для лингвиста наибольший интерес: тенденции развития языка могут быть уловлены именно здесь» [Волошинов, 1993, с. 135–136]. При динамическом подходе это положение чрезвычайно актуализируется, поскольку процессы проницаемости захватывают и ядро конструкций с чужой речью, и стилистические явления (аллюзии, свободный косвенный дискурс, реминисценции, прецедентные феномены, центонность, несобственно-прямая речь и т.п.). Последние демонстрируют высокую степень проницаемости.

Выработка способов изучения динамического синтаксиса в его синхронном срезе требует особых методов исследования. В данном случае основу реализуемого динамического подхода составляют включённые в методику лингвистического анализа отношения текста и разных видов контекста при становлении смысла; отношения читателя и автора в контексте литературной эпохи (ниже это показано на примере изображения, воссоздания приближенности к средневековой стилистике («Лавр» Е. Водолазкина), сказки Л. Петрушевской). Динамизм становления форм и смыслов как принцип, включённый в метод исследования, отражён в анализе произведения М. Булгакова «Похождения Чичикова». При этом важно, что единицей, точкой отсчёта мыслится не субъект как таковой, а именно динамическое

отношение речевых автономий, представленных в тексте или в интертексте. Данный подход, связанный с исследованиями диалога, во многом методологически противостоит знанию, исходящему из понятий субъекта, сознания субъекта.

Применяя динамический принцип описания (смысл языкового явления закрепляется не за отдельной формой, а за рядом форм, их динамической сменой и характером устремлённости к обособленности или проницаемости), можно утверждать, что функционирование форм чужой речи носит вероятностный характер. Это язык описания «возможностей, гипотез, тенденций – относительно достижения результата» [Дейк, 1988, с. 156].

Анализ материала. Покажем на примерах из художественных текстов, каковы образные эффекты интерпретации разных аспектов проницаемости своего и чужого слова **в тексте и интертексте**. Для обоих феноменов можно расширительно использовать универсальное понятие речевых автономий текста, первоначально предложенное с целью стилистического описания внутритекстовых процессов и синтаксического анализа категории диалогичности [Ильенко, 2003, с. 386-388].

Одним из показательных примеров внутритекстового взаимодействия речевых автономий (своего и чужого слова) является роман Е. Водолазкина «Лавр». Так, его текст основан на необычном способе оформления диалогических реплик: читатель не видит пунктуационных знаков, традиционно оформляющих прямую речь или диалог (отсутствуют кавычки, репликовое тире). Приведём характерный пример:

Исповедовавшись, Христофор помедлил и заглянул старцу в глаза.

Что ты хочешь прочесть в моих глазах, спросил старец.

То ты и сам, отче, ведаеши.

Скажу тебе лишь, что счет идет не на годы. И даже не на месяцы. Прими эту информацию спокойно, без соплей, как то и подобает истинному христианину.

Христофор кивнул. Он видел, как в другом конце храма утомленный Арсений присел на корточки у столпа. Из то и дело открывавшихся дверей врывался ветер, и над головой мальчика раскачивалось паникадило [Водолазкин, 2016, с. 54].

Возникают вопросы: какая художественная задача решается таким образом, какие смыслы актуализируются с помощью такого способа подачи чужого слова, почему маркеры отношений «своё – чужое» в «Лавре» дезактуализируются? С точки зрения *референциальной интерпретанты* можно говорить о том, что автором «Лавра» (историком языка, лингвистом, специалистом по книжности древнерусских текстов) совершается некое приближение текста к средневековому типу письма: *что и как* в изображении речевых автономий гармонично перекликаются, изоморфно соединяются. Предмет изображения обуславливает форму представления речи. Всеобщее и ничьё слово Древней Руси ещё не требовало противопоставления своего и чужого, предметный смысл (референция) диктует проницаемость речевых автономий, их смешение, неразличение. Но это не то неразличение, которое связано с явлением свободного косвенного дискурса (или явлений несобственно-прямой, несобственно-авторской речи), а исходное, достилистическое неразличение, когда реплики разных героев заявлены, а чьи они, не маркируется напрямую. Создаваемое затруднение, торможение обусловлено задачей погружения в иное время, в иной культурный пласт, средневековый – с его отказом от собственности на слово, с

вниманием к первичному (самовитому) слову, смысл которого в разные времена и различными способами актуализируется в русской культуре.

Прагматическая интерпретанта реализуется здесь в связке «близость героев по духу (все они заняты поиском божественной истины, практически нет героев-антиподов) – высокая степень проницаемости границ речевых автономий». Общее сознание, единство устремлений как будто бы распределены между героями, воплощающими обобщённого субъекта. Поэтому стилевые индивидуальные особенности сглажены, идиолек коллективен. Перифразы, реминисценции, аллюзии, раскавыченные цитаты – приёмы постмодернистского текста, которыми полна стилистика романа «Лавр». На уровне языка такая связь не только сохраняется, но и целенаправленно поддерживается: это относится прежде всего к близости позиций авторов, с которыми цитатно, но «без кавычек» (в силу действия структурной тенденции к проницаемости своего и чужого слова) вступает в отношения повествователь в «Лавре».

Какова при этом читательская рецепция и как реализуется в данном случае *рецептивная интерпретанта*? Образ читателя моделируется тем сопротивлением тексту, которое возникает при его восприятии: например, замедляется темп чтения; в диалогических единствах возникают читательские сбои, остановки: чьё это слово (рассказчика? героя? какого именно героя?), диалог это или же само повествование продолжается таким образом? Читая, мы задаёмся подобными вопросами, поскольку привычных сигналов нет, автор не предупреждает нас о переходе к реплике ни привычным тире, открывающим диалог, ни кавычками. Чтение дезавтоматизируется. В чём состоит посыл читателю, направленный автором через подобное речевое действие?

В данном случае проницаемость своего и чужого слова в рамках рецептивной интерпретанты раскрывает образ адресата, способного к замедленному, смысловому, вдумчивому чтению. С герменевтической точки зрения такой тип читателя описывается в работе [Фуксон, 2007, с. 202-221]. Автор рассчитывает на высокий уровень осуществления читательской деятельности. От читателя требуется заметить детали, стилистические приметы, погрузиться в сам неторопливый темпоритм Средневековья. В текстах древней книжности отсутствие знаков препинания, аморфность грамматики, синтаксический синкретизм и т.п. характеризовали период, когда взаимодействие своего и чужого слова ещё не актуализировало выработку соответствующих грамматических и пунктуационных средств. В архаичном тексте, как известно, лишь намечается маркирование границ своего и чужого слова, оно вырабатывается постепенно; более подробно об этой динамике см.: [Кузнецов, 2021].

Обращение к тексту Л. Петрушевской «Все непонятливые» рисует иную картину обособленности / проницаемости речевых автономий. Исходя из динамических принципов анализа, можно видеть, как меняются отношения «автор – герой – читатель» и как организация чужой речи выражает идею «непонимания» всех всеми в постмодернистском тексте. И в этом тексте Л. Петрушевской идея непонимания обуславливает невозможность интерференции чужого и своего слова, их проницаемость отсутствует. Об этой обратной стороне проницаемости по отношению к постмодернистскому тексту см. в работе [Кузнецов, 2007]. В продолжение этих

размышлений добавим, что предельная непроницаемость речевых автономий автора и персонажей – знак их параллельного существования, глубокого языкового конфликта. Это в новых условиях развитие чеховской традиции изображения не слышащих друг друга людей. Намеренное изображение невозможности диалога по отношению к произведениям Л. Петрушевской не раз отмечалась литературоведами: «Невозможность нормальных человеческих отношений выражается в том, что диалог у Петрушевской, как правило, приобретает черты монологов глухих... сам язык деградирует: языковая коммуникация не способствует взаимопониманию, а еще больше изолирует персонажей» [Лейдерман, 2001, с. 113]. В языке произведения разобщённость позиций героев выражена предельной обособленностью речевых автономий персонажей.

Одновременно с этим Р. Тименчик замечает следующее противоречие: «Как вначале читателя восхищает карнавал взаимонепонимания в этой тугоухой вселенной, так потом это восхищение сменяется недоумением: как же эти полунемые и оглохшие все-таки понимают друг друга? А ведь понимают, поверх и пониз слов и даже вопреки словам» [Тименчик, 1989, с. 394]. Действительно, изображение непонимания и ирония, связанная с ним, составляют двойственную природу произведений Петрушевской, в том числе рассматриваемого текста писательницы. Если речевые автономии героев непроницаемы, а их позиции изображаются как непонимающие друг друга, то всё-таки отношения «автор – читатель» несколько иные.

Рассматриваемый рассказ напоминает драму абсурда: для неё характерна тотальная разорванность коммуникативных связей. Это касается как мира персонажей, так и отношений «автор – читатель». В данном случае в мире героев «Всех непонятливых» абсолютизирована их речь. Интерференция своего и чужого слова функционально избыточна, поскольку взаимопроникновение внутренних миров / речей автора и героев, разных героев между собою исключаются самим фактом дискommunikации.

Однако некий паритет с читателем имеется, он заключается в альтернативном вопросе, адресованном читателю: все на самом деле непонятливые – или все всё понимают, но прикидываются непонятливыми? Курица хочет съесть червяка или она действительно приглашает его в гости? Вряд ли возможен однозначный ответ исходя их текста. Откуда возникает этот паритет автора и читателя? Проницаемость их автономий поддерживается прецедентными феноменами, опорой на общую память (речь идёт, конечно, о поиске «своего читателя», на которого и рассчитывает автор), интертекстуальными аллюзиями. Это, с одной стороны, выбор героев в соответствии с фольклорным мотивом «хищник – жертва». Но с другой стороны, это и учёт опыта мультипликации и фильмографии XX века, где есть сказка «Волк и семеро козлят на новый лад», «Приключения Кота Леопольда», «Про Красную шапочку». В этих и других подобных произведениях отношения «хищник и жертва» преодолеваются в своём антагонизме, а привычные стереотипы сменяются опытом выработки новых прецедентных текстов, ситуаций. Упоминание о том, что в конце сюжета «грузовик с врачом улыбнулись» обнаруживает скрытое взаимопонимание неких «всезнающих» субъектов, выступающих в метапозиции. Этим также делается отсылка к автору и читателю.

Таким образом, мы видим, как внутритекстовые реалии, так и интертекстовые, прецедентные феномены участвуют в едином процессе «обмена словом», подчинения интерференции, проницаемости своего и чужого слова художественным задачам. Сравнивая два произведения, можно говорить о стилистике проницаемости своего и чужого в «Лавре» как о полярной по отношению к предельной обособленности, не допускающей даже в мысленном эксперименте виртуальной проницаемости своего и чужого слова в произведениях Л. Петрушевской, подобных «Всем непонятливым».

Обратимся к динамике проницаемости своего и чужого слова в интертексте. Умение видеть и понимать прецедентные феномены и интертекст – важная герменевтическая способность читателя. Анализ практик интерчтения – еще один шаг к пониманию явления проницаемости в динамическом ключе. За счёт анализа средств интертекстуальной проницаемости одного текста другими рассмотрим «Похождения Чичикова» М. А. Булгакова. Для анализа взяты интертекстуальные связи произведений «Похождения Чичикова» М. А. Булгакова с произведениями Н. В. Гоголя. Заметим, что в тексте присутствуют интертекстуальные связи, имеющие и другие источники (иные тексты самого М. А. Булгакова, контекст булгаковской жизни, исторические ситуации начала XX века, русский фольклор и др.), но они не включаются нами в предмет анализа статьи.

Покажем распределение выявленных элементов, за счет которых создается проницаемость текста Булгакова текстами Гоголя, по их соотнесённости с гоголевскими источниками.

Поэма Н. В. Гоголя «Мёртвые души», 1 том: *Манилов в шубе, на больших медведях, Ноздрев, Селифан, Петрушка, Фетинья, Павел Иванович Чичиков в (знаменитой своей) бричке, Собакевич, Мижухев, Подстега Сидоровна, Неуважай-Корыто, дядя Митяй, банды капитана Копейкина, Плюшкинский Прошка, Кувшинное Рыло, Елизавета Воробей, Помещица Коробочка, Какой же русский не любит быстрой езды?!, Григорий Доезжай-не-Доедешь, мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет.*

Поэма Н. В. Гоголя «Мёртвые души», 2 том: *Бетрищев; дядя Лысый Пимен; «Акулька»; Самосвистов; Павел Иванович Чичиков; Вор Антошка; Улинька Бетрищева.*

Комедия Н. В. Гоголя «Ревизор»: *Держиморда; Ляпкин-Тяпкин; Тряпичкин; Тентетников.* Комедия Н. В. Гоголя «Игроки»: *Утешительный; Замухрышкин.* Повесть Н. В. Гоголя «Нос»: *штаб-офицерша Подточина.* Цикл повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя. «Пропавшая грамота»: *Гром пошел по пеклу...* Биография и библиография Н. В. Гоголя: *Мертвые души; Гоголь.*

Степень проницаемости текста тем или иным источником, как видим, определяет приоритеты не только в речевом коде текста, но и в линиях его интерпретации. В данном случае это не только поэма «Мёртвые души», но и целый ряд других произведений Н. В. Гоголя, значимых для концепции М. Булгакова. Динамика проницаемости мотивов и языка текстов Гоголя и Булгакова создаёт основу концепции текста и смыслообразов произведения.

Если обратиться к конкретным примерам обмена слова и создания смысловых связей между текстами, то классификация отсылок будет выглядеть следующим

образом. Прецедентных имен насчитывается 32. Цитаты точные – две: «*Мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет*» (цитата из поэмы «Мёртвые души», слова помещика Собакевича о жителях города, в разговоре с Чичиковым (глава 5)); «*Какой же русский не любит быстрой езды?!*» (цитата из поэмы «Мёртвые души», глава 11). Цитата неточная – одна: «*Манилов в шубе, на больших медведях*» (отсылка к поэме «Мёртвые души») – «*Шинель на больших медведях надел Чичиков, собираясь к Манилову*» («Мертвые души», глава 2).

Как видим, наиболее активно Булгаков использует в своем тексте прецедентные имена. В языковом плане часть из них претерпевает разного рода трансформации, то есть не только текст Булгакова пронизан для гоголевских номинаций и цитат, но и они пронизаемы речевыми действиями булгаковской воли. Приведём несколько иллюстрирующих примеров.

Елизавета Воробей. Изменение фонетико-графической формы у Гоголя и Булгакова обыгрывает морфологический статус слова (отношения «род – пол») и некую путаницу в именах. У Н. В. Гоголя: *Это что за мужик: Елизавета Воробей. Фу-ты пропасть: баба! она как сюда затесалась? Подлец, Собакевич, и здесь надул!* Чичиков был прав: это была, точно, баба. Как она забралась туда, неизвестно, но так искусно была прописана, что издали можно было принять ее за мужика, и даже имя оканчивалось на букву ъ, то есть не Елизавета, а Елизаветъ. Однако же он это не принял в уваженье, и тут же ее вычеркнул...

У М. А. Булгакова: *Принялись тогда за Елизавету Воробья. Нет такого! Есть, правда, машинистка Елизавета, но не Воробей. Есть помощник заместителя младшего делопроизводителя замзавподотдел Воробей, но он не Елизавета!*

Прицепились к машинистке:

– Вы?!

– Ничего подобного! Почему это я? Здесь Елизавета с твердым знаком, а разве я с твердым? Совсем наоборот...

И в слезы. Оставили в покое.

Развитие образа происходит в преобразовании лексической сочетаемости и построении эпитетов, пронизанность и создается либо словообразовательной трансформацией «от существительного к прилагательному-эпитету» (*плюшкинский Прошка*), либо построению словосочетания, где гоголевское существительное «обрастает» булгаковским эпитетом. *Чичиков в знаменитой своей бричке. Беспартийный вор Антошка.*

Первые два эпитета (*плюшкинский, в знаменитой своей*) и последний (*беспартийный*) отличаются друг от друга. Характеристики брочки и Прошки создают эффект осмысления элементов гоголевского произведения как всем известных. Эпитеты передают авторское отношение к называемому. Характеристика вора Антошки задаётся не от лица автора, а автор помещает героя в предлагаемые обстоятельства (Россия в 20-е годы XX века), и тот не может не иметь данной характеристики. Во времена, в которых происходит действие, воров (вором «почестному», а не ворующим хитрецом вроде Чичикова) приходилось становиться, если ты не был в партии большевиков (без партийного билета на работу не брали) – отсюда и эпитет.

Ещё один пример трансформации касается контекстуального перехода имени нарицательного в имя собственное: *Подстёга Сидоровна*. Возникает эффект комической гиперболизации явления самозванства. У Гоголя *подстёга* – имя нарицательное со значением «скверница, развратница, поганка, распутница, скверница». У Булгакова – никудышный, ничтожный человек, пробившийся на ответственную должность. Булгаков иронизирует над такими *(П/п)одстёгами*: *Рядом, правда, поворотя налево, нашли справочное бюро, но сидела там не штаб-офицерша, а какая-то Подстега Сидоровна и, само собой разумеется, не знала не только чичиковского адреса, но даже и своего собственного*.

Можно видеть и обратный процесс: имя собственное становится именем нарицательным. *Тут даже у Тентетникова, который заведовал всеми селифанами и петрушками, лопнуло терпение*. (Неслучайно разные издания по-разному пишут эти слова: то с заглавной, то со строчной буквы.) У Гоголя Селифан и Петрушка – это чичиковские кучер и лакей. При трансформации этих имен в нарицательные происходит обобщение. Образ становится более «объемным», разносторонним, в нём присутствует множество смысловых граней. И в зависимости от опыта читателя концептосфера сужается или расширяется, конкретизируясь индивидуальными смысловыми обертонами. Комизм создается в том числе за счёт «принижения» и так маленьких людей – возникает нечто подобное эффекту литоты. (Не останавливаясь на других примерах, отметим только, что трансформации, обусловленные проницаемостью своего и чужого слова, касаются также синтаксиса и пунктуации).

Подчёркивавшаяся выше взаимная проницаемость связана в данном случае со всеми тремя интерпретантами. Это прежде всего прагматическая близость концепций и смысловых установок двух авторов, это также перекличка, социокультурные параллели смеховых референций Гоголя и Булгакова и это, наконец, установка на современного читателя, однако такого, который связывает прошлое и настоящее, в том числе – литературные традиции. Отсюда – интенсивная взаимная проницаемость гоголевского и булгаковского слова, в соответствии с динамическим описанием обнаруживающаяся в самых различных грамматических, стилистических, текстовых структурах.

То, над чем смеялся Гоголь в первой трети XIX века, смешит (сквозь слёзы!) и Булгакова сто лет спустя. Оба автора называют происходящее своими именами, и, как выяснилось, нередко одинаковыми, что позволяет найти новые смыслы и усовершенствовать способы чтения и понимания текста не только Булгакова, но и Гоголя.

Результаты исследования. Прделанный анализ показывает, что с точки зрения исследования динамики проницаемости можно говорить об универсальности наиболее общих процессов ее проявления в тексте и интертексте: было показано, как разрабатываемое представление о трёх основных типах проницаемости своего и чужого слова применимо в области внутритекстовых (взаимодействие речевых автономий автора и героев) и в области межтекстовых отношений. В «Лавре» исследованы внутритекстовые отношения, в тексте Л. Петрушевской – внутритекстовые и интертекстовые, в «Похождениях Чичикова» – межтекстовые отношения.

Если с формальной точки зрения можно видеть разные средства организации проницаемости своего и чужого слова в тексте и интертексте, то обусловленность степени проницаемости и смысловых, коммуникативных эффектов можно наблюдать с опорой на три типа интерпретативных значения: прагматический, референциальный, рецептивный.

В результате исследования уточнилось представление о характере интерпретативных значений. Это динамические образования, при выявлении которых на первое место выходит принцип относительности. Это означает, что функция, коммуникативный эффект выявляется не у конкретной конструкции или речевой формы как таковой, а в отношении ее к другим способам передачи чужой речи, функционирующим в ближайшем контексте и макроситуации. При этом совершенно разные способы передачи чужой речи могут входить в такие отношения, которые демонстрируют один и тот же тип значения. Предположим, что А, В, С, D – это разные способы передачи чужой речи. В определённых текстовых условиях регулярно может устанавливаться аналогия: А так относится к В, как С к D; или такая: А так относится к В, как В к С. Подобного рода отношения не поддаются описанию по типу однозначного соответствия «функция – средство» (на эту разницу описаний теоретически указано в работе [Дымарский 1999: 64]) и должны рассматриваться в логике динамических образований, в данном случае – интерпретативных значений.

Выводы. Динамический принцип анализа предполагает, что его единичным шагом выступает сопоставление двух текстов или двух фрагментов текста, однако метод практического анализа не сводится только к сравнительным процедурам. Степень маркированности / проницаемости границ своего и чужого – ведущий критерий в функциональной квалификации форм передачи чужой речи, их типов. Получается, что то или иное синтаксическое значение не связано с его закреплённостью за определённой формой, но формируется в динамике – на основе интерпретации самих тенденций обособленности / проницаемости. Смысловая интерпретация этой структурной тенденции позволяет моделировать систему значений, семантику текстового функционирования чужой речи, коммуникативные установки автора.

Интерпретация степени проницаемости строится в динамическом ключе: одни и те же смысловые характеристики могут принадлежать разным явлениям и структурам, что определяется контекстом употребления той или иной формы чужой речи по отношению к другой форме (соседу слева / справа) чужой речи в конкретном тексте. Недостаточно обращение к изолированно взятой форме чужой речи. Её семантику и коммуникативные эффекты адекватно устанавливать в выделенном ряду функционирующих в тексте форм чужой речи, во фрагменте этого ряда или в интертекстовых рядах.

Проблема управления речевыми автономиями текста, точками зрения, реальными и виртуальными голосами персонажей актуальна для текстов разных эпох. В художественном произведении соотносённость тенденции к проницаемости своего и чужого слова выявляют универсальный характер интерпретативных значений, которые конкретизируются в специфических условиях текста, ситуации, авторской поэтики.

Укажем и на вывод практического характера. Перспективу применения анализа, связанного с проницаемостью своего и чужого слова у Гоголя и Булгакова, можно видеть в составлении интертекстуального комментария к «Похождениям Чичикова». Тексты Булгакова в целом требуют комментирования социокультурных реалий, задействованных во многих его произведениях. Однако интертекстуальные комментарии не столько связаны с привычными типами комментариев «что есть что», а касаются особенностей языка, концептуальных смыслов, пояснения отсылок к конкретным произведениям. Поэтому характер их построения должен быть иным: они могут располагаться гнездовым способом, как это сделано выше, при этом гнёзда могут организовываться по разным принципам, как это отмечено в статье. В то же время варианты комментариев (гнездовые, постраничные, тематические, алфавитные и др.) могут сочетаться, а их конкретная модификация должна выбираться в соответствии с целесообразностью и читательским запросом конкретного произведения.

Литература

- Арутюнова, Н. Д. (1999) *Язык и мир человека*. М.: Языки русской культуры.
- Водолазкин, Е. Г. (2016) *Лавр*. Москва: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной.
- Волошинов, В. Н. (1993) *Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке / Бахтин под маской*. М.: Лабиринт.
- Дейк, Т.А., & ван, Кинч, В. (1988) Стратегии понимания связного текста. *Новое в зарубежной лингвистике*, 23, 153–211.
- Дымарский, М. Я. (1999) *Проблемы текстообразования и художественный текст*. СПб.: СПбГУ
- Ильенко, С. Г. (2003) *Русистика: Избранные труды*. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена.
- Кожевникова, Н. А. (1994) *Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв.* М.: ИРЯ.
- Кузнецов, И. В., & Максимова, Н. В. (2007) Обособленность / проницаемость речевых автономий текста как его типологический признак. *Сибирский филологический журнал*, 2, 110–123.
- Кузнецов, И. В., & Максимова, Н. В. (2021) Речевые автономии текста: обретение и утрата маркирования. *Вестник Череповецкого гос. ун-та*. Череповец: ЧГУ, 2, 59–70.
- Лейдерман, Н. Л., & Липовецкий, М. Н. (2001) *Современная русская литература: В 3 кн. Кн. 3: В конце века (1986-1990-е годы)*. М.: Эдиториал УРСС.
- Максимова, Н. В. (2005) *«Чужая речь» как коммуникативная стратегия*. М.: РГГУ.
- Семёнова, Н. В. (2002) *Цитата в художественной прозе*. Тверь: ТвГУ.
- Соколова, Л. А. (1968) *Несобственно-авторская (несобственно-прямая) речь как стилистическая категория*. Томск: Томский гос. ун-т.
- Тименчик, Р. (1989) «Ты – что?», или введение в театр Петрушевской. *Петрушевская Л. Три девушки в голубом*. М.: Искусство, 394-398.
- Труфанова, И. В. (2000) *Прагматика несобственно-прямой речи*. Москва.: Языки русской культуры.
- Фуксон, Л. Ю. (2007) *Чтение*. Кемерово: Кузбассвуиздат.
- Чумаков, Г. М. (1975) *Синтаксис конструкций с чужой речью*. Киев: Вища школа.

References

- Arutyunova, N. D. (1999). *Language and the human world*. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ. (In Russian).
- Chumakov, G. M. (1975). *Syntax of structures with someone else's speech*. Kiev, Vishcha shkola Publ.
- Dijk, T. A., & van, Kinch, V. (1988). Strategies for understanding connected text. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike [New in Foreign Linguistics]*, 23, 153–211. (In Russian).
- Dymarsky, M. Ya. (1999). *Problems of text formation and artistic text*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ. (In Russian).
- Fukson, L. Yu. (2007). *Reading*. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ. (In Russian).
- Ilyenko, S. G. (2003). *Russian studies: selected works*. St. Petersburg, the Herzen University Publ. (In Russian).
- Kozhevnikova, N. A. (1994). *Narrative types in Russian literature of the 19th–20th centuries*. Moscow, Russian Language Institute Publ. (In Russian).
- Kuznetsov, I. V., & Maksimova, N. V. (2007). Isolation / permeability of speech autonomies of the text as its typological feature. *Siberian Journal of Philology*, 2, 110–123. (In Russian).
- Kuznetsov, I. V., & Maksimova, N. V. (2021). Speech autonomy of the text: the acquisition and loss of marking. *Cherepovets State University Bulletin*, 2, 59–70. (In Russian).
- Leiderman, N. L., & Lipovetsky, M. N. (2001). *Modern Russian literature: In 3 books. Book. 3: At the end of the century (1986–1990s)*. Moscow, Editorial URSS Publ. (In Russian).
- Maksimova, N. V. (2005). *“Another’s speech” as a communicative strategy*. Moscow, the Russian State University for the Humanities Publ. (In Russian).
- Semenova, N. V. (2002). *Quote in fiction*. Tver, Tver State University Publ. (In Russian).
- Sokolova, L. A. (1968). The improperly direct (improperly authorial) speech as a stylistic category. Tomsk, Tomsk State University Publ. (In Russian).
- Timenchik, R. (1989). *“What are you?”, or an introduction to the Petrushevskaya theater. Petrushevskaya L. Three girls in blue*. Moscow, Iskustvo Publ., 394–398. (In Russian).
- Trufanova, I. V. (2000). *Pragmatics of improperly direct speech*. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ. (In Russian).
- Vodolazkin, E. G. (2016) *Lavr [Laurus]*. Moscow: AST Publ.: Editor Office by Elena Shubina. (In Russian).
- Voloshinov, V. N. (1993). Marxism and the philosophy of language: The main problems of the sociological method in the science of language. *Bakhtin under the mask*. Moscow, Labirint Publ. (In Russian).

Для цитирования статьи:

Максимова, Н. В., Максимова, А. И. (2022). Динамика проницаемости своего и чужого слова в тексте и интертексте. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 3(5), 35–48. DOI: 10.34680/VERBA-2022-3(5)-35-48

For citation:

Maksimova, N. V., Maksimova, A. I. (2022). The dynamics of the permeability of one's own and another's word in text and intertext. *VERBA. North-West linguistic journal*, 3(5), 35–48. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2022-3(5)-35-48